

XIV. Кеселашоу же са ш богѣ филосоуау, пакы ароугаа рѣчь приспѣ и троуда не мнен прѣбыкъ.
ростислава бо, моравьскан кназь, богомъ оустимъ, сѣвѣтъ сѣтвори съ кнази своими и с
моравланъ¹, послѣ къ царю миханлоу, глагола: лѣдемъ нѣшимъ поганьства са штевдгшимъ, и по
христіанескъ са законъ. Арѣжашимъ, оучителя не имамъ таковаго, иже бы ны къ скон издѣкъ²
истою бѣроу христіаньскою скѣзалъ, да быша и ныи страны того зраче подобилса нѣмъ. То
посли нѣмъ, владыкъ, епископа и оучителя таковаго. штъ басъ бо на всѣ страны ездегда аобрыи
законъ исходитъ. сѣбрава же царь сѣборъ, призва коньстантина философа, ѣ сѣтвори и слышати
рѣчь сѣю и рече: философъ, бѣмъ та троуана³ соуша, но аостонть тебѣ тамо ити. сѣа бо рѣчи не
можетъ инъ никтоже исправити, иакоже ты. штеѣща философъ: и троуаенъ сы телшмъ и боленъ,
радъ идоу тѣмо, аще имоутъ боуки⁴ къ издѣкъ свои. и рече царь къ нему: аѣдъ мон, и штыцъ
мон, и ныи мнози, искаше того не обрѣли соутъ. то како азъ могу обрѣсти? философъ же рече:
то кто можетъ на боуѣ бесѣдоу написати? или еретичьско има себѣ обрѣсти? штеѣща ему пакы
царь съ бардою, оуемъ⁵ своимъ; аще ты хошеши, то можетъ богъ тебѣ дати, иже даеть всѣмъ, иже
просать несомнѣнѣмъ. и штевдгашеть тазкоушимъ.